

САГИТ ШАФИКОВ / SAGIT SHAFIKOV
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0257-9434>
Башкирский университет

ЯЗЫКОВОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Language and Cultural Peculiarity in a Crooked Mirror of Cultural Linguistics

Ключевые слова: алогизм, интуитивизм, лингвокультурология, ментальность, субъективизм, язык, этнос

KEYWORDS: deficiency of logic, intuitive method, cultural linguistics, mentality, subjectivity, language, ethnos

АБСТРАКТ: Cultural linguistics as a modern branch of the science of language exerts a detrimental effect on linguistic research, particularly in methodology. It is justly criticized for deficiency of logic, intuitive knowledge and subjectivity. The empirical method proves that linguistic structures typical of a particular language are not to be identified with a peculiar world view. Language has no creative potential to spawn a world of its own, so the phrase “linguistic mentality” is nothing but a metaphor. There is no asserting parallel relationship between thought and language, nor the dependence of ethnic mentality on a certain language type. Variation in world views prevails over language structures, inasmuch as a variety of ways to express ideas exceeds the number of language types.

1. Проблема гуманитарного знания

Наряду с научным знанием философия выделяет так называемое гуманитарное знание, составляющее содержание гуманитарных дисциплин (Лебедев 2004). Достичь объективности в этих дисциплинах, как считает В. И. Карасик, невозможно, поскольку объективный подход «стремится к универсализации», тогда как «национальная специфика» устанавливается с помощью «гуманитарного постижения бытия» (2002, 84). Такая точка зрения вызывает изумление, ведь наука по определению стремится к научному знанию, которого можно добиться только с помощью объективного изучения, даже если целью этого изучения служит «постижение бытия».

Если в точных науках явление признается объективным законом, будучи верным для 75% всех случаев (Hagège 1982, 836), то в гуманитарных науках

порог объективного знания, конечно, ниже. Тем не менее, нельзя сводить этот порог до нулевого значения, профанируя истину, как это делает, например, В. Г. Гачев, исследователь «национальных космосов», указывая на «нисходящую вертикаль» в итальянской «национальной целостности» в отличие от «восходящей вертикали» в германской «национальной целостности». «Доказательство» строится на сравнении дифтонгов, например, итальянские дифтонги типа [wa] исследователь называет нисходящими, а немецкие дифтонги типа [ai] восходящими (Гачев 2008). Подобные измышления легко опровергнуть, указав среди прочего на фактическую ошибку в типологии дифтонгов, так что постулируемая связь языковых структур с этническим мышлением оказывается полностью разрушенной.

Однако далеко не каждое ложное утверждение в гуманитарной дисциплине, например в науке о языке, опровергается столь же легко. В последнее время в русском языкознании доминирует направление, утверждающая веру в «национальную целостность», которая якобы зависит от языковых структур. Как ни мало обосновано это утверждение, это не имеет ровно никакого значения, как не имеет значения для верующего противоречие между его верой и наукой. Следует признать очевидное: когнитивное изучение языка исключительно с гуманитарных позиций себя исчерпало, и требуется определенная «дегуманитаризация» языкознания, чтобы его продукт – знание о языке – соответствовал критериям научной объективности. Прежде всего это необходимо для исследования сложнейшей проблемы взаимоотношения языка и мышления, которая вульгаризируется концепцией, принятой в лингвокультурологии.

2. Лингвокультурология

Как следует из названия, это направление исследует «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова 2001, 28), то есть родословная лингвокультурологии указывает на союз культурологии с когнитивной лингвистикой. Однако в ее «геноме» выделяется более сильный «ген» в виде гипотезы Вайсгербера – Сэпира – Уорфа, связанной «кровным родством» с более ранней идеей В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка.

Русская лингвокультурология опирается также на результаты философских размышлений отечественных мыслителей, таких как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др. Правда, исследуя проявление «национального духа», философия не настаивает на истинности своих догадок, тогда как лингвокультурология легко превращает догадку в аксиому. Такая метаморфоза напоминает процесс, прекрасно описанный в русской классической литературе:

Сперва ученый подъезжает [...] необыкновенным подлезцом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, – и рассуждение заключено словами: «так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!» Потом во всеулышанье с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»).

Можно полагать, что «гуманитарное постижение бытия» завершилось с разрушением СССР, ускорив процесс превращения языка в важнейший фактор национальной самоидентификации (Павлова 2013, 179).

3. Критика

Замечательным в отношении справедливой критики лингвокультурологии выглядит сборник статей, составленный А. В. Павловой (Павлова 2013); см. также другие работы, например (Киклевич 2017; Кривоносов 2006; 2012; Левицкий 2006; Шайкевич 2005; Шафигов 2012; 2013). Правда, критика, за редким исключением (см.: Серио 2011), остается без ответа.

Главными «грехами» лингвокультурологии можно считать интуитивизм, алогизм, субъективизм.

И н т у и т и в и з м проявляется в использовании к о н ц е п т а, «парольного термина», определяющего «продвинутость» его пользователей (Воркачев 2010, 8), хотя понять его смысл много труднее, чем смысл выражения я з ы к о в о е з н а ч е н и е. Смутное понимание концепта как главной единицы лингвистического исследования компенсируется интуицией, которая, как известно, позволяет постичь истину с помощью озарения, однако озарение не укладывается в понятие научного метода. Поэтому лингвокультурология заменяет интуицию «интроспекцией»¹. В свою очередь, интроспекция прикрывается принципом антропоцентризма, призванным гуманизировать языкознание, хотя этот принцип, как утверждает В. В. Левицкий, (2006, 159), стремительно «перерождается в дегуманизацию науки о языке» в связи с «претенциозными

¹ А. Вежицкая даже пишет о «натренированной интроспекции» (Wierzbicka 1985).

заявлениями», которые контрастируют с реально полученными результатами. Ученый подчеркивает их «скромность или даже недостоверность».

Для достижения более достоверных результатов предпочтительно использование комплексного подхода, сочетающего, например, антропоцентризм с системоцентризмом (Алефиренко 2005, 400).

А л о г и з м характеризует рассуждение, не подкрепленное доказательством; ср. значимое по своим последствиям заявление лингвокультурологии о том, что «человек смотрит на мир через призму своего языка». Этот «взгляд» на мир якобы представляет собой «национальный склад мышления», «зафиксированный» в национальном языке (Корнилов 2003, 77). Однако ни неизменность «национального склада мышления», ни его отличие от индивидуального мировоззрения, ни системный характер, подобный сбалансированной системе конкретного языка, не находят доказательства в современной науке. Лингвокультурология бесосновательно сводит дихотомию «язык» vs «мышление» к равенству «язык» = «мышление», выраженному фразой *я з ы к о в а я к а р т и н а м и р а*, смысл которой робко прячется за метафору. Дефицит объяснения восполняется ссылкой на авторитет; ср. цитату из И. А. Бодуэна де Куртэнэ в известной монографии В. В. Колесова: «Без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта о том, что каждый язык есть своеобразное мировидение» (Колесов 2007, 47). Тем самым язык превращается в субъект познания, чего в действительности, конечно, не может быть; ср. выражение «языковое представление об устройстве человека» (Урысон 2003). Явный алогизм проявляется в вывернутой наизнанку методике исследования: вместо того, чтобы из фактов языка выводить признаки этнической ментальности, лингвокультуролог обращается к этническим стереотипам, чтобы найти для них соответствия в конкретном языке, нимало не беспокоясь о том, что те же стереотипы можно найти и в других языках. В общем, лингвокультурология «ищет» ровно то, что собирается найти (Павлова 2013, 16).

С у б ъ е к т и в и з м (а также атомизм) проявляется в произвольной интерпретации языковых фактов, взятых выборочно, дабы не разрушать заранее выстроенную схему. Все, что не вписывается в схему, отбрасывается, сама же схема иллюстрируется с помощью языковых единиц, не имеющих однозначных лексических соответствий в языках сравнения; при этом не замечается способность языка альтернативными средствами описать понятие, выраженное в рассматриваемом языке лексемой или фразеологизмом. Своеобразие «национальной ментальности» устанавливается примерами из нескольких самых распространенных языков, хотя с увеличением базы данных число уникальных явлений будет уменьшаться, так что рассматриваемый язык (например русский) обнаружит целый веер межъязыковых соответствий, каждое из которых будет характеризовать его «средство» то с одним, то с другим, то с третьим языком и т.д., что полностью разрушает идею

уникальной национально-языковой ментальности. Субъективизм можно усмотреть также в использовании напыщенного стиля, «заточенного» для пускания пыли в глаза (ср. выражения *языковая философия*, *миросозерцание*, *миропонимание* и т.д.). Язык видится «домом бытия духа» народа; как пишет самобытный русский лингвокультуролог, «чем ярче, многообразнее и неповторимее запечатленный в языке мир, тем совершеннее созерцающий его дух – коллективное этническое языковое сознание» (Корнилов 2003, 137) (выделено мной. – С. Ш.). Остается только спросить: каким аршином измерить яркость и неповторимость одного языка по сравнению с другим, и не может ли этому помешать «созерцающий дух», пристрастный к одному из сравниваемых языков?

В ходе дальнейшего изложения представляется целесообразным рассмотреть аргументы, используемые для доказательства главного тезиса лингвокультурологии: один этнос – один язык – один национальный менталитет. Однако прежде необходимо внести ясность в отношения этих сущностей.

4. Менталитет, этнический менталитет и язык

Понятие «менталитет» («ментальность»), введенное в научный оборот почти век назад антропологом Л. Леви-Брюлем (Lévy-Bruhl 1922) в отношении первобытного общества, сейчас означает совокупность относительно устойчивых интеллектуально-эмоциональных характеристик определенного сообщества, передаваемых в процессе социализации из поколения в поколение в виде норм (навыков) поведения, которые называются стереотипами.

Под стереотипами лингвокультурология обычно понимает этнические стереотипы; соответственно, ментальность понимается как этническая ментальность или национальный характер. Проблема в том, что единой системы стереотипов, в том числе этнических стереотипов, не существует, поэтому понятие «этническая ментальность» не обладает свойством строго научной категории вследствие своего диссипативного характера, связанного с характером этноса.

Можно указать на ряд причин, объясняющих противоречивый характер данного понятия. Во-первых, существуют субэтноты внутри общего этноса; во-вторых, этносы могут образовывать суперэтноты, то есть этнокультурные образования, объединенные общей культурой (например, российский суперэтнос включает в свой состав более 190 народов); в-третьих, сообщество, характеризующееся определенным «складом ума», может идентифицировать себя не только как этническая, но и как социальная группа, которая может стоять ближе по социальному признаку к представителям иной этнической культуры, чем к социально «чуждым» представителям собственного народа.

Лингвистическая культурология отрицает противоречивый, диффузный, размытый характер понятия «менталитет», сводя его к жесткой связи с определенным языком. Так, глава московской семантической школы определяет данное понятие следующим образом: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; при этом выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной языковой модели всем носителям языка и называется национальным мировоззрением» (Апресян 1995, 350–351).

Бездоказательное утверждение лингвокультурологии о зависимости этнического менталитета от языка легко опровергается обратным утверждением о том, что языковое своеобразие не влияет на проявление национального менталитета. Данное утверждение общего характера можно разбить на несколько частных утверждений, подводя к каждому из них конкретные примеры:

1. Несмотря на общий язык этнические стереотипы разных народов могут существенно различаться.

Британцы и американцы пользуются одним и тем же английским языком, но представляют два разных этноса, которые различаются стереотипами поведения; например, воспитанный британец обычно преуменьшает стоимость своей покупки, чтобы не возбуждать зависти собеседника, в то время как американец с гордостью подчеркнет, что покупка ему обошлась в кругленькую сумму (Фокс 2008).

Мало кто из ирландцев говорит на национальном языке; родным для большинства из них является английский, однако назвать ирландца англичанином значит оскорбить его национальное чувство (Curtis 1985).

Арабский язык является родным для разных народов, которые, соглашаясь с тем, что они арабы, обычно уточняют: египетский араб, палестинский араб, иракский араб и т.д. (этнология выделяет даже разные антропологические типы арабов: арменонидный тип, эфиопский антропологический тип и т.д.) (Бибикова 2014).

Вывод: язык и этнос суть категории разного порядка, поэтому любой языковой строй (любая языковая структура) принципиально позволяет выразить этническое своеобразие любого народа.

2. Несмотря на разную этническую принадлежность стереотипы поведения говорящих могут быть сходными.

Положительные стереотипы поведения, показательные для поведения англичан, такие как сдержанность, скромность, прагматизм, «честная игра» и т.д. (Фокс 2008, 150) характеризуют и другие этнические культуры

в стереотипных ситуациях межличностного общения. Так, разговор о доходах или заработках считается бестактным не только в Туманном Альбионе, но и в других государствах, например в современном отечестве.

У народов «третьего мира» пережитки архаичного сознания служат почвой для религиозного фанатизма, однако религиозный фанатизм, в том числе христианский, существует и в США; достаточно вспомнить заговор радикальных христиан из движения «Хутари» против федерального правительства (Купчинецкая 2010).

В общественном сознании мусульманских этносов мужской гендер доминирует над женским, однако обостренное чувство мужского достоинства можно найти и в южных странах Европы.

Вывод: язык и этнос не совпадают, а лишь пересекаются, следовательно, одни и те же этнические стереотипы могут быть представлены в принципе в любом языке независимо от его генезиса и типа.

3. Развиваясь в историческом времени, этнический менталитет может существенно меняться.

Динамика этнопсихологических складов меняется в течение веков «единообразно и закономерно» (Гумилев 2001, 376). Так, кажется очевидным отличие менталитета свободного русского человека XV века от типичного мышления русского дворянина XIX века, готового стреляться на дуэли, чтобы защитить честь своей жены. Убийство купцом Калашниковым опричника Кирибеевича ударом в висок во время кулачного боя Пушкин счел бы подлым, но в глазах современников злосчастного купца тот поступил совершенно правильно (об этом говорит даже реакция государя). Возникает риторический вопрос: существует ли единый этнический менталитет, или это всего лишь распространенный бытовой миф?

Жители Исландии давно утратили свою легендарную пассионарность. Уже в 17 в. эти потомки грозных завоевателей отдали себя на милость высадившимся на острове алжирским пиратам, позволив жечь свои дома, насиловать жен и забирать в рабство детей, а еще через 200 с лишним лет они без сопротивления сдались кучке разбойников во главе с бывшим часовщиком, посмеявшимся объявить себя королем Исландии (Рагунштейн 2012).

Вывод: понятие о неизменном (вневременном) национальном характере не выдерживает научной критики; можно говорить лишь об изменяемых во времени стереотипах этнического поведения, которые невозможно отделить от общекультурных, групповых и индивидуальных моделей поведения.

5. Отношение между языком и национальной культурой

Лингвокультурология определяет язык как составную часть национальной культуры, доказывая ее своеобразие спецификой лексического состава языка. О. А. Корнилов приводит такой пример: увлеченно работающий человек ассоциируется в немецком языке с крысой, что вызывает «неудовольствие» русского человека, «услышавшего в свой адрес от носителя немецкого языка сравнение с крысой» (Корнилов 2003, 83–84). Вряд ли, однако, своеобразие семантических связей в конкретном языке способно создать «особую языковую картину мира» (Колшанский 1990, 67), то есть представлять «национальный менталитет». На коллективную психологию влияет скорее культура, чем язык, который относится к иной (в отличие от культуры) семиотической системе. Пример с крысой, скорее всего, будет сопровождаться соответствующим комментарием, объясняющим смысл высказывания. Кроме того, культурный (ментальный) стереотип не является производным от языковой оценки. В частности, коннотация немецкого наименования крысы (*Ratte*) в составе устойчивых выражений может быть и отрицательной (*die Ratten verlassen das sinkende Schiff* «крысы покидают тонущий корабль»), и нейтральной (*wie eine Ratte schlaffen* «крепко спать»), и положительной (*eint niedliche Ratte* «хорошенькая танцовщица»).

Подобная асимметрия со стороны культуры и языка может наблюдаться в отношении и других зоонимов, например в наименовании собаки, лучшего примера восторженной любви британцев к домашним животным. Если исходить из культуры, можно было бы ожидать безусловную положительную оценку слова *dog* «собака», однако наряду с положительно маркированными смыслами выражений (*jolly dog* «весельчак», *lucky dog* «счастливец» и т.д.) английский язык использует отрицательно маркированные смыслы: *dirty dog* «дрянь-человек», *lazy dog* «лентяй», *dead dog* «ни на что не годный человек», *a dog in the manger* «собака на сене», *die like a dog* «умереть как собака», *a dog's life* «собачья жизнь», *dog-eat-dog* «бесчеловечно жестокий», *underdog* «неудачник», *go to the dogs* «разоряться», *throw something to the dogs* «выбросить на свалку» и т.д.

Асимметричное взаимоотношение между культурой и языком может проявляться также в отсутствии значимой языковой реакции на явление, заметно распространенное в национальной культуре. Например, входя в жилое помещение, каждый соотечественник снимает обувь, хотя этот стереотип поведения, почти стопроцентно отличающий русского человека от человека западной культуры, в «русской языковой картине мира» никак особо не фиксируется.

6. Безэквивалентная лексика и ключевые слова культуры

Излюбленным методом доказательства «языковой ментальности» в лингвокультурологии служит так называемая беспереводная лексика. Например, утверждается, что английское слово *fun* («все доставляющее радость, развлечение, удовольствие») не имеет эквивалента в русском языке вследствие отсутствия соответствующего концепта (Попова/Стернин 2007, 60). В действительности же это слово вполне переводимо; ср. варианты перевода этого слова на русский язык: *join us, it will be great fun* = присоединяйся к нам, будет очень весело; *the weather was nasty, but we drove to the beach, just for fun* = погода была плохая, мы поехали на пляж просто ради развлечения; *it's no fun working inside on a sunny day like this* = нет никакого удовольствия работать в помещении в такой солнечный день.

Нельзя считать безэквивалентными только какие-то отдельные слова, ведь это значило бы, что все остальные слова имеют точные соответствия в языках сравнения. О. А. Леонтович указывает на «деформации синтаксиса», возникающие при переводе трудных для перевода выражений в английском языке типа *to project into the future, mainstream culture, a helpful person* и т.д. (Леонтович 2005, 118). Однако эти «деформации» неизбежны в связи с использованием каждым квалифицированным переводчиком трансформаций, которые в конечном счете обеспечивает взаимную переводимость языков. Переводу поддается даже знаменитое русское *авось*, да иначе и быть не может, ведь легкомыслие, неоправданный расчет и надежда на чудо характерны для всех людей. Необходимо только учитывать контекст, переводя это слово, например, на английский язык:

- (1) Надеясь на авось, я решил выехать на встречную полосу, чтобы объехать пробку.

Здесь *авось* выражает риск и предположение о том, что вероятность удачи меньше вероятности неудачи, следовательно, удача представляется почти чудом; поэтому перевод может быть таким:

- (2) Counting on a miracle, I decided to slip into the oncoming lane to get around the traffic jam.

В предложении

- (3) Авось мне повезет

авось также выражает риск, и благополучный исход кажется более вероятным, чем неудача; поэтому перевод может быть таким:

- (4) I may yet succeed.
- (5) Hopefully, I shall make good.
- (6) I think, I'll make it.
- (7) I hope, I'll have a bit of luck.

В предложении

- (8) Большую часть продуктов он покупает на авось

наречное выражение с компонентом *авось* выражает определенный риск, связанный с действием, которое может оказаться удачным или неудачным; поэтому перевод может быть таким:

- (9) He buys most of the foodstuffs by hit-or-miss methods.
- (10) He buys most of the foodstuffs on the off-chance of a good purchase.

Проанализируем предложение:

- (11) Он выбрал книгу на авось.

Здесь действие, выраженное глаголом, предполагает произвольный выбор, не связанный с большим риском; поэтому перевод может быть таким:

- (12) He chose a book at random.
- (13) He chose a book haphazardly.
- (14) He chose a book on the chance.

В предложении

- (15) Это выбор на авось

то же выражение имеет функцию определения к существительному; поэтому перевод может быть таким:

- (16) It's a hitty-missy choice (производное прилагательное от hit or miss).
- (17) It's a haphazard choice.
- (18) It's a random choice.

В предложении

- (19) Вот тебе немного денег, авось тебе пригодится

авось означает «возможно», при этом возможность использования чего-либо не предполагает риска; поэтому перевод может быть таким:

(20) Here is some money, just in case you may need it.

(21) Probably, you will need some money; here you are.

Как справедливо отмечает А. К. Киклевич, лингвокультурология предпочитает иметь дело с «большими концептами», не обращая внимания на «малые концепты» типа «подмышки», «ширинка», «носки» и т.д. При этом «большие концепты» по странному стечению обстоятельств изучаются только в «больших языках» типа русского, английского, немецкого и т.д., так что почти ничего неизвестно «о датской, венгерской, мексиканской или лихтенштейнской лингвокультурах» (Киклевич 2017, 14).

В. И. Карасик считает, что этноспецифические различия определяются «не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» (Карасик 1996, 15). Если это так, то *авось* не может занимать «важное место в русской культуре» (Вежбицкая 1996, 77), ведь сейчас это слово встречается только в литературе, которая составляет только часть культуры. Так или иначе, «ключевым словам» русской культуры далеко в смысле частотности употребления до других слов, таких как *человек* (2369), *время* (1529), *год* (1490), *дело* (1195), *жизнь* (1119) и т.д. (в скобках приводится индекс встречаемости на миллион слов текста) (Ляшевская 2009).

Что касается «специфической комбинаторики», которая якобы определяет «представление о мире», то, например, деривационный потенциал польского языка, который позволяет свободно образовывать прилагательные от дней недели (ср.: *poniedziałek* > *poniedziałkowy*, *wtorek* > *wtorkowy*, *środa* > *środowy*, *czwartek* > *czwartkowy*), никак «не может быть основанием для утверждения, что поляки лучше ориентируются во времени, чем русские» (Киклевич 2017, 12). Точно так же, комбинаторика испанского языка, которая требует употребления предлога *a* перед одушевленным дополнением (ср.: *no veo mucho a mi abuela* «я нечасто вижу свою бабушку»; *no veo mucho mi coche* «я нечасто вижу свою машину»), не означает необычной способности испанцев отличать живое от мертвого, или особого испанского пиетета перед живым существом.

7. Внутренняя форма языковых единиц и менталитет

Важным аргументом в пользу национального менталитета лингвокультурология считает внутреннюю форму языковых единиц, представленную мотивирующими признаками номинации. Так, Корнилов патетически вопрошает:

Разве внутренняя форма китайских синонимичных прилагательных с общим значением «разноцветный» не факт специфической национальной категоризации, иллюстрирующий такую яркую черту китайского менталитета, как стремление к точной нумерации в противовес европейскому тяготению к абстрактности? (Корнилов 2003, 176).

Из примеров видно, что в китайских номинациях используется нумератив, однако трудно себе представить, чтобы «стремление к точной нумерации» заставляло китайцев считать все цвета называемого объекта только для того, чтобы выразить понятие «разноцветный».

Подобное национальное стремление к точности и конкретике – по логике русского лингвокультуролога – можно было бы зафиксировать в татарских наименованиях трапезы благодаря жесткой комбинации мотивирующих признаков «время дня» + «еда»; ср.: *иртэнге аш* «завтрак, утренняя еда» *көндөз аш* «обед, дневная еда», *кичке аш* «ужин, вечерняя еда». В отличие от этих номинаций с ясной внутренней формой, мотивировка английских эквивалентов либо отсутствует, либо выглядит размытой; ср.: *breakfast* «завтрак (первая трапеза дня)»; *elevenses* «второй завтрак поздним утром»; *brunch* «поздний завтрак (первая или вторая трапеза дня)»; *dinner* «обед, дневная трапеза, ужин, вечерняя трапеза, званый ужин»; *tea* «чай, чаепитие, ужин, вечерняя трапеза»; *supper* «ужин, вечерняя трапеза, семейный ужин» и т.д. Однако это еще не дает основания для вынесения вердикта о меньшей степени точности английского мышления в отличие от мышления любого представителя иного этноса. Нельзя строить обобщающее утверждение на основании единичного случая, как нельзя утверждать, например, что через одну точку можно провести только одну прямую.

На каждый пример внутренней формы, как бы доказывающий более «эффективный склад ума» его носителей, можно найти тысячу контрпримеров на других участках семантического пространства языка, указывающих на «отсутствие логики», или «странное мышление», или «забавный поворот мысли» и т.д. благодаря малопонятным для современного носителя языка мотивам номинации. Объект обозначения характеризуется не одним признаком, поэтому его выбор в качестве основы номинации не может не варьироваться в разных языковых системах. Своеобразие мотивировки не является доказательством «этнического мировоззрения», ведь нельзя свести сотни тысяч разных «мировоззрений», возникающих при сравнении межъязыковых коррелятов, к единой «языковой картине мира». Для этого пришлось бы привести к «общему знаменателю» мотивирующие признаки всех слов языка. Поэтому никакого целостного впечатления, кроме ряби в глазах, наблюдатель не получит, даже если удастся зафиксировать все возможные мировоззренческие «картинки» мира.

Особенно большое впечатление на лингвокультуролога производит внутренняя форма фразеологизмов с их уникальной образностью; ср., например, выражения, связанные с «идеей шитья», которые Карасик считает типичными для «современного русского языкового сознания»: *не лыком шит, криво скроен, да крепко шит, пришей кобыле хвост, рот до ушей, хоть завязочки пришей* и т.д. (Карасик 2001, 5). Однако в современной речи эти выражения звучат архаично, как и большинство фразеологизмов в лексическом фонде русского языка; ср.: *куда конь с копытом, туда и рак с клешней; сказал бы словечко, да волк недалечко; свинья скажет борову, а боров всему городу; с суконным рылом да в калачный ряд; с собакой ляжешь, с блохами встанешь* и т.д. Языковая идиоматика, как указывает Киклевич, «в значительной степени основана на архаических представлениях о мире» (Киклевич 2007, 182) и поэтому плохо согласуется с «национальным менталитетом», понимаемым как панхроническое явление.

8. Род и менталитет

С. Г. Тер-Минасова считает, что грамматический род в русском языке свидетельствует об эмоциональном отношении русскоговорящих к окружающему миру: «Уберите категорию рода, и из русской литературы, особенно из поэзии, уйдет часть души, она померкнет, поблекнет – всего лишь из-за утраты грамматической категории» (2000, 158-159). Сторонник идеи русской «языковой ментальности» обычно воспринимает грамматический род как «ценнейшее духовное наследие, запечатлевшее неповторимую образность мышления далеких предков» (Корнилов 2003, 10).

Однако большинство языков (около 75%) обходится без грамматического рода, а в остальных используется либо мужской, женский и средний, как в русском и немецком, либо мужской и женский, как во французском и итальянском, либо общий и средний, как в скандинавских языках, либо – если увеличение типов превращает род в класс – до двадцати классов (язык фула).

Родовой показатель, как правило, имеет чисто формальную функцию, поэтому значение грамматического рода как «ценнейшего наследия» явно переоценивается. Распределение существительных по родовым классам в большинстве своем асемантично, поэтому, например, в русском языке слово женского рода может обозначать животное обоих полов (лиса, белка, обезьяна), а слово мужского рода может употребляться в отношении женщин (врач, директор, педагог). Межъязыковое сравнение так же указывает на отсутствие логики: разными родами маркируются такие понятия, как «смерть»: ж.р. в испанском языке (*la muerte*), м.р. в немецком языке (*der Tod*); «шея»:

м.р. в итальянском языке (*il collo*), ж.р. в русском языке; «свет»: м.р. в русском языке, с.р. в немецком языке (*das Licht*), ж.р. в итальянском языке (*la luce*); «любовь»: ж.р. в русском языке, м.р. в испанском языке (*el amor*) и т.д.

В целом, родовая характеристика существительного к менталитету современного человека не имеет никакого отношения. Разве что для ментальности феминистского движения род представляет известный интерес, так как в наименованиях лица доминируют существительные мужского рода, и тем самым, как утверждают феминистки, женщина намеренно отодвигается на задний план. Однако такое утверждение означает лишь факт манипулирования понятием «ментальность» по гендерному признаку, в отличие от этнического признака, которым манипулирует лингвокультурология.

9. Падеж и национальный характер

А. Вежбицкая сравнивает «пациентивный модус» русского подлежащего с «агентивным модусом», характерным для подлежащего в английском языке. Из этого сравнения делается вывод о том, что русская конструкция с субъектом в дательном падеже (ср.: *ему хотелось* ↔ *он хотел*) выражает свойственные русскому человеку черты, такие как пассивность, фатализм, безответственность (Вежбицкая 1996, 56).

Несмотря на большое число публикаций, в которых эта идея подвергается обстоятельной критике², лингвокультурология, как обычно, не обращает на это внимания, что делает необходимым в очередной раз выступить против этой завиральной идеи. Аргументы можно свести к следующим пунктам.

1. В отличие от русского языка, в английском языке сомнительно существование дативных конструкций из-за отсутствия дательного падежа, поэтому межъязыковое сравнение, которое проводит польский исследователь русского языка, не корректно. Если строй современного английского языка *з а с т а в л я е т* использовать именительный падеж, то русский язык с его падежной системой обладает более широким грамматическим репертуаром предикации, что является преимуществом, которое никак нельзя толковать как «грамматическую покорность судьбе», якобы свойственную русскому характеру.

2. Русские дативные конструкции уступают по употребительности агентивным конструкциям, и, кстати, так же обстоит дело в польском языке, например: *zdaje mi się, że tego jeszcze nie wiem* («ему кажется, что я этого еще не знаю»), но собирательница семантических примитивов не обращает на это никакого внимания. Ср. также аналогичные конструкции в татарском языке: *миңә барарга кирәк* («мне нужно идти»); ср. также французские без-

² В качестве примера можно привести капитальный труд Е. В. Зарецкого (2008).

личные модальные обороты вроде *il faut faire cela* («надо это сделать»). В этих же языках употребляются синонимичные агентивные обороты: тат. *мин ба-рагга теишим*, фр. *tu dois faire cela* и т.д. Одно из двух: либо агентивность в русском языке грамматически уравнивается пациентивностью, и тогда ничего определенного о духе нации сказать нельзя, либо все грамматики, включая польскую, окрашены в фаталистические тона.

3. Трудно согласиться с тем, что дативная структура (в отличие от соответствующей агентивной структуры) полностью освобождает действующее лицо за конечный результат, как утверждает А. Вежицкая. Дативная структура употребляется для выражения менее категоричного смысла (ср.: *мне хочется думать, мне представляется, мне верится*); для выдвигания на передний план объекта действия (*я его встречаю = он мне встречается*); для выражения невозможности какого-то действия (ср. невозможность высказывания типа **мне его догнать*). Если бы грамматическая модель могла отражать национальный характер, то вежливую форму обращения через третье лицо в польском языке (*pan, pani, państwo*) можно было бы интерпретировать как проявление свойственной польскому характеру неискренности, увертливости и уклончивости. Как замечает Е. В. Падучева, «задача отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему национальному характеру, безнадежна и не представляет большого интереса» (Падучева 1996, 21), поскольку свойства национального характера выявляются «вычитыванием» из национально-специфического в соответствующих языках.

10. Лингвистическая типология и общечеловеческое мышление

Указывая на взаимосвязь языка с мышлением, лингвокультурология имеет в виду мышление конкретной этнической культуры с присущими ей стереотипами поведения. Между тем гораздо большее значение для любого языка имеет общечеловеческое мышление. Изучением этого влияния занимается лингвистика универсалий, подчеркивая факт принципиально единого устройства всех языков вследствие единых для всего человечества законов мышления. Как бы ни были несхожи языки на поверхностном уровне, в глубине «они обязательно обнаруживают единообразие по своим фундаментальным свойствам» (Шафииков 2004, 9).

Как известно, лингвистическая типология занимается изучением как сходств, так и различий между языками. Было бы логичным предположить, что сравнительное изучение этнических стереотипов также должно стремиться к выявлению как дифференциальных, так и интегральных признаков в «стереотипных наборах» разных этнокультурных объединений. С одной стороны, такое сравнение может показать объективное противоречие

в выявлении этнического компонента в мышлении; например, традиционно приписываемые немцам качества, такие как вежливость, любовь к порядку и пунктуальность сами немцы ставят на последние места в своей ценностной шкале (Павлова 2012, 13). С другой стороны, некоторые стереотипы, кажущиеся на первый взгляд этническими, на поверку обнаруживают типологическое сходство. Например, мужские инвективы испокон веков используются для оскорбления оппонента инсинуацией о половых связях его матери. В этнических традициях, рожденных в разное время и в отдаленных друг от друга регионах, проявляется несомненное совпадение в языковых формах, нарушающих сексуальное табу. Прагматическое значение инвективы может варьироваться, например инвектива может означать «убирайся вон!», тогда как внутренняя форма (буквальное значение) обычно замыкается на образе инцеста с матерью; ср., например: «чтобы твоя мать стала тебе женой!» (в балкарском языке), «твоя мать – блудница!» (в китайском языке), «займись любовью со своей матерью!» (в английском языке), «я занимаюсь любовью с твоей матерью» (в русском, венгерском, греческом языках) (Жельвис 1991, 270).

* * *

Резюмируя, можно констатировать следующее. Во-первых, межъязыковые различия не влияют на мировосприятие – наоборот, различное восприятие мира в разных этнических объединениях создает варьирование языковых структур, которые представляют собой лишь способы выражения мысли, но не само мышление.

Во-вторых, стереотипы поведения и языковые структуры не находятся в прямой зависимости друг от друга; при прочих равных условиях народы, говорящие на одном языке, могут иметь разные стереотипы поведения, а разноязычные народы могут иметь сходные модели поведения.

В-третьих, так же, как способов выражения одной и той же мысли больше, чем языков, так и количество способов мировидения превалирует над поливариантностью языков; каждый язык как инструмент мысли способен выразить не одну модель мира, а бесконечное множество таких моделей.

В-четвертых, принцип взаимопереводимости языков предполагает, что все смыслы, включая смыслы «ключевых слов культуры», поддаются передаче на другой язык; для этого лишь требуется адекватно использовать переводческие стратегии.

Литература

- APRESYAN, Yu. D. (1995), *Izbrannyye trudy*. T. 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva. [Апресян, Ю. Д. (1995), *Избранные труды*. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.]

- ВІВІКОВА, О. Р. (2008), *Araby. Istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Moskva. [Бибикова, О. П. (2008), *Арабы. Историко-этнографические очерки*. Москва.]
- CURTIS, L. (1985), *Nothing But The Same Old Story: The Roots Of Anti-Irish Racism*. London.
- ФОКС, К. (2008), *Nablyudaya za anglichanami. Skrytyye pravila povedeniya*. Moskva. [Фокс, К. (2008), *Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения*. Москва.]
- ГАСЧЕВ, G. D. (2008), *Mental'nosti narodov mira*. Moskva. [Гачев, Г. Д. (2008), *Ментальности народов мира*. Москва.]
- GUMILEV, L. N. (2001), *Etnogenez i biosfera zemli*. Moskva. [Гумилев, Л. Н. (2001), *Этногенез и биосфера земли*. Москва.]
- НАГÈGE, С. (1982), *La structure des langues*. Paris.
- KARASIK V. I. (2001), *O kategoriyakh lingvokul'turologii*. V: *Yazykovaya lichnost': Problemy kommunikativnoy deyatel'nosti*. Volgograd, 3–16. [Карасик В. И. (2001), *О категориях лингвокультурологии*. В: *Языковая личность: Проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград, 3–16.]
- KARASIK, V. I. (1996), *Kul'turnyye dominanty v yazyke*. V: *Yazykovaya lichnost'. Kul'turnyye kontsepty*. Volgograd, 166–205. [Карасик, В. И. (1996), *Культурные доминанты в языке*. В: *Языковая личность. Культурные концепты*. Волгоград, 166–205.]
- KARASIK, V. I. (2002), *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd. [Карасик, В. И. (2002), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград.]
- KIKLEWICZ, A. (2007), *Prityazheniye yazyka. T. I. Semantika. Lingvistika teksta. Kommunikativnaya lingvistika. Ol'shtyn*. [Киклевич, А. К. (2007), *Притяжение языка. Т. I. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Ольштын*.]
- KIKLEWICZ, A. (2017), *Yazykovaya kartina mira kak problema antropologicheskoy lingvistiki*. V: *Filologicheskiye nauki*. 1, 9–16. [Киклевич, А. К. (2017), *Языковая картина мира как проблема антропологической лингвистики*. В: *Филологические науки*. 1, 9–16.]
- KOLESOV, V. V. (2007), *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste*. Sankt-Peterburg. [Колесов, В. В. (2007), *Русская ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург.]
- KOLSHANSKIY, G. V. (1990), *Ob'yektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke*. Moskva. [Колшанский, Г. В. (1990), *Объективная картина мира в познании и языке*. Москва.]
- KORNILOV, O. A. (2003), *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov*. Moskva. [Корнилов, О. А. (2003), *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. Москва.]
- KRIVONOSOV A. T. (2006), *Myshleniye, yazyk i krusheniye mifov o «lingvisticheskoy odnositel'nosti», «yazykovoy kartine mira» i «marksistsko-leninskom yazykoznanii»*. Moskva/New York. [Кривоносов А. Т. (2006), *Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании»*. Москва/Нью-Йорк.]
- KRIVONOSOV, A. T. (2012), *Filosofiya yazyka*. Moskva/New York. [Кривоносов, А. Т. (2012), *Философия языка*. Москва/Нью-Йорк.]
- LEBEDEV, S. A. (2004), *Filosofiya nauki: Slovar' osnovnykh terminov*. Moskva. [Лебедев, С. А. (2004), *Философия науки: Словарь основных терминов*. Москва.]
- LEONTOVICH, O. A. (2005), *Russkiye i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya*. Moskva. [Леонтович, О. А. (2005), *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. Москва.]
- LEVITSKIY, V. V. (2006), *Semasiologiya*. Vinnitsa. [Левецкий, В. В. (2006), *Семасиология*. Винница.]
- LÉVY-BRUHL, L. (1922), *La mentalité primitive*. Paris.
- LYASHEVSKAYA, O. N./SHAROV, S. A. (2009), *Chastotnyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)*. Moskva. [Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009), *Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка)*. Москва.]

- MASLOVA, V. A. (2001), *Lingvokul'turologiya*. Moskva. [Маслова, В. А. (2001), Лингвокультурология. Москва.]
- PAДУЧЕВА, Ye. V. (1996), *Semanticheskiye issledovaniya (semantika vida i vremeni v russkom yazyke; semantika narrativa)*. Moskva. [Падучева, Е. В. (1996), Семантические исследования (семантика вида и времени в русском языке; семантика нарратива). Москва.]
- PAVLOVA, A. V. (2012), *Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym yego yazyka? V: Antropologicheskiy forum*. 16, 3–60. [Павлова, А. В. (2012), Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? В: Антропологический форум. 16, 3–60.]
- PAVLOVA, A. V. (2013), *Svedeniya o kul'ture i «etnicheskom mentalitete» po dannym yazyka. V: Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoj mental'nosti»*. Sankt-Peterburg, 160–240. [Павлова, А. В. (2013), Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка. В: От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Санкт-Петербург, 160–240.]
- POPOVA, Z. D./STERIN, I. A. (2007), *Kognitivnaya lingvistika*. Moskva. [Попова, З. Д./Стерин, И. А. (2007), Когнитивная лингвистика. Москва.]
- RAGUNSHTEYN, A. G. (2012), *Piraty pod znamenem islama. Morskoy razboy na Sredizemnom more v XVI – nachale XIX veka*. Moskva. [Рагунштейн, А. Г. (2012), Пираты под знаменем ислама. Морской разбой на Средиземном море в XVI – начале XIX века. Москва.]
- SERIO, P. (2011), *Oksyumoron ili nedoponimaniye? Universalistskiy relyativizm universal'nogo yestestvennogo semanticheskogo metayazyka Anny Vezhbitskoj. V: Politicheskaya lingvistika*. 1/35, 30–40. [Серю, П. (2011), Оксюморон или недопонимание? Универалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой. В: Политическая лингвистика. 1/35, 30–40.]
- SHAFIKOV, S. G. (2004), *Tipologiya leksicheskikh sistem i leksiko-semanticheskikh universalij*. Ufa. [Шафиков, С. Г. (2004), Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. Уфа.]
- SHAFIKOV, S. G. (2012), *Yazykovaya model' mira i metaforicheskoye yazykoznanie. V: Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 1/17, 139–145. [Шафиков, С. Г. (2012), Языковая модель мира и метафорическое языкознание. В: Вестник Башкирского университета. 1/17, 139–145.]
- SHAFIKOV, S. G. (2013), *Natsional'nyye obrazy mira v svete sub'yektivnogo myshleniya. V: Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 4, 1126–1135. [Шафиков, С. Г. (2013), Национальные образы мира в свете субъективного мышления. В: Вестник Башкирского университета. 4, 1126–1135.]
- SHAYKEVICH, A. YA. (2005), *Russkaya yazykovaya kartina mira v ryadu drugikh kartinok. V: Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 8/2, 5–21. [Шайкевич, А. Я. (2005), Русская языковая картина мира в ряду других картинок. В: Московский лингвистический журнал. 8/2, 5–21.]
- TER-MINASOVA, S. G. (2000), *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Moskva. [Тер-Минасова, С. Г. (2000), Язык и межкультурная коммуникация. Москва.]
- URYSON, Ye. V. (2003), *Problema issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike*. Moskva. [Урысон, Е. В. (2003), Проблема исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. Москва.]
- VORKACHEV, S. G. (2010), *«Kuda zh nam plyt'?» Lingvokul'turnaya kontseptologiya: Sovremennoye sostoyaniye, problemy, vektor razvitiya. V: Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*. 8, 5–27. [Воркачев, С. Г. (2010), «Куда ж нам плыть?» Лингвокультурная концептология: Современное состояние, проблемы, вектор развития. В: Язык, коммуникация и социальная среда. 8, 5–27.]
- WIERZWIKA, A. (1985), *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor.
- WIERZWIKA, A. (1996), *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye*. Moskva. [Вежбицкая, А. (1996), Язык. Культура. Познание. Москва.]
- ZALIZNYAK, A. A./LEVONTINA, I. V./SHMELEV, A. D. (2005), *Klyuchevyye idei russkoj yazykovoy kartiny mira*. Moskva. [Зализняк, А. А./Левонтина, И. В./Шмелев, А. Д. (2005), Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва.]

- ZARETSKIY, YE. V. (2008), Bezlichnyye konstruktii v russkom yazyke: kul'turologicheskiye i tipologicheskiye aspekty. Astrakhan'. [Зарецкий, Е. В. (2008), Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты. Астрахань.]
- ZHEL'VIS, V. I. (1991), Invektiva: muzhskoye i zhenskoye predpochteniya. V: Baiburin, A. K./Kon, I. S. (red.), Etnicheskiye stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya. Sankt-Peterburg, 266–283. [Жельвис, В. И. (1991), Инвектива: мужское и женское предпочтения. В: Байбурин, А. К./Кон, И. С. (ред.), Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Санкт-Петербург, 266–283.]

